

INSPIRIA

ЛЮБОВЬ БЫВАЕТ ОПАСНОЙ

18+

ГОНИЩИК

БИБИ ИСТОН

INSPIRIA

Биби Истон

Гонщик

**Серия «44 главы о 4
мужчинах», книга 2**

Серия «Passion. Обжигающая самбука»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64460521*

Гонщик: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117704-1

Аннотация

В гараже, куда Биби Истон приезжает поменять колеса, она встречает Харли – молодого, эффектного механика. Харли – высокий голубоглазый блондин, он может починить любую машину, является легендой здешних мест, его карманы набиты деньгами, и у него самая красивая на свете гоночная машина. У Биби просто нет шансов устоять.

Харли стремительно врывается в ее жизнь. Вместе с ним в нее врываются гоночный трек, умение гонять самой, новые знакомые – и куча новых проблем. Но идеала без недостатков не существует. К чему приведет эта связь и нарастающее между героями напряжение в конце концов?

Поистине ироничный, откровенный и дерзкий роман о молодости, отношениях и маленьких безумствах (впрочем, порой не таких уж и маленьких), без которых мы бы не стали теми, кто мы есть.

Читайте самостоятельный роман и часть цикла «44 главы о 4 мужчинах», рассказывающий об изнанке отношений с так любимыми девушками «плохими парнями». «44 главы о 4 мужчинах» – ироничный, яркий дебют, который тут же попал в «Top-100 Bestseller list» и получил ежегодную награду «After Dark Book Lovers Shortie Award».

"О мой бог. Я не могу перестать смеяться. И читать. Биби, да что же тут происходит?" – *Колин Гувер, автор бестселлеров*

"Глубокое, забавное, горячее и по-своему поэтичное произведение". – *Inked in Chapters*

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Биби Истон

Гонщик

Эта книга посвящается моим родителям. В качестве извинения за то, что я притащила двадцатидвухлетнего бывшего заключенного с татуировкой на башке на домашний обед... когда мне было всего шестнадцать.

Читать это извинение вам запрещается.

B.B. Easton
Speed
44 Chapters, 2

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2017. Speed by B.B. Easton

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Andrew Nurnberg Literary Agency

© Бялко А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Предисловие

В мире есть люди всего двух типов – те, кто читал мою книгу «*44 главы о 4 мужчинах*», и те, кто не читал. Я рада и тем и другим. Есть, конечно, вариант, что вы не принадлежите к одной из этих групп и ваша фамилия Брэдли или Истон. В этом случае вероятность того, что мы с вами состоим в кровном или брачном родстве, слишком велика, чтобы я могла позволить вам продолжить чтение. Пожалуйста, миссис Брэдли, положите книгу и медленно отойдите. Поверьте мне, миссис Истон. Это для вашего же блага.

Если же ваша фамилия не Брэдли и не Истон и вы впервые сталкиваетесь с Харли Джеймсом, держитесь. Он – воплощение плохого парня с невинным лицом, и он устроил мне ту еще гонку по жизни. *В хорошем смысле!* Образ Харли в общих чертах списан с моего бывшего приятеля, но его имя, определяющие характеристики и личные качества были изменены и/или преувеличены до такой неузнаваемости, что его и родная мама бы не опознала. Ну, в смысле у нее могли бы закрасться определенные подозрения, но она не смогла бы ничего доказать.

Если же вы принадлежите к первой группе, то вы уже знакомы с Харли – и даже с двумя его версиями. Вы видели его в виде прелестного мерзавца в моих дневниковых записях и в качестве выдуманного героя-любовника в той их части,

которые я нарочно подсовывала Кену. Ну что ж, я счастлива сказать вам, что выдуманный герой-любовник Харли будет звездить в этой книге, тогда как ее сюжет, обстоятельства и действие будут основаны на реальных событиях. Я постаралась представить вам лучшее из обоих миров – сексуального, опасного, татуированного героя и жесткий, страшный, реалистичный сюжет.

Как я уже говорила в «Рыцаре», эта книга – моя правда, но она не является полной, стопроцентной правдой.

(В данном случае тут примерно процентов шестьдесят пять. Максимум – семьдесят пять.)

Хорошего путешествия!

Глава 1

Июнь 1998

Проснувшись утром своего шестнадцатого дня рождения, я не выскочила из постели, чтобы бежать получать права. Я не подумала о назначенной на этот день покупке машины – машины, на которую копила с того момента, как мне исполнилось пятнадцать и я официально получила право на работу. Мне не хотелось идти за покупками, открывать подарки или есть чертов именинный пирог. Мне хотелось проспять, к чертям, этот день, потому что стоило мне проснуться, как меня начинала пожирать душераздирающая боль. Я чувствовала, как она грызет мое нутро, уничтожает мою когда-то радостную личность, высасывает энергию из моих костей, заглатывает мое стремление жить. Быть живой – больно. Просыпаться больно. А спать – нет.

Неохотно раскрыв глаза, я покосилась на прикроватную тумбочку. Красные цифры на часах говорили, что я опять проспала до полудня. Лежавший тут же черничный кекс с кривовато воткнутой в него свечкой говорил, что приходила мама, которая пыталась меня разбудить. Распахнутые ставни, сквозь которые в спальню светило летнее солнце, дава-

ли понять, что она приходила не единожды. А эта маленькая таблетка и стакан воды на тумбочке? Они только разозлили меня.

Я села и начала рыться в набросанном на столике дерьме, пока не нашла свою пачку «кэмел лайт». Пренебрегая водой и пищей, я выбрала яд. Сделав первую, глубокую, успокоительную затяжку, я ждала ее расслабляющего эффекта, но даже курево перестало приносить радость. Как и со всем остальным, это стало просто рутиной.

Поднести руку ко рту.

Вдохнуть.

Выдохнуть.

Повторить.

Я стряхнула пепел в пустую жестянку тут же на столике и уставилась на таблетку, которую принесла мне мама, – крошечную белую надежду, обернувшуюся очередным разочарованием. Я взяла ее в руку и внимательно рассмотрела. Если бы на ней не было выдавлено PROZAC, можно было бы предположить, что родители просто дают мне мятные конфетки.

Эта херня не работала. Не делала ничего, лишь приглушала яркие цвета моего мира, превращая его во что-то грязно-серо-унылое. Вместо моих привычных чувств, всей этой яркой смеси яростно-кричащего алого, пенящейся и клубящейся лазури и предостерегающе мигающего желтого мой внутренний мир теперь был серым, как облако дыма, вися-

щее в пространстве между полом и потолком моей спальни. Серым, как моя кожа, которая западала между ребрами в грудную клетку и болталась в провалах щек и глазниц.

Серым, как поблекшая татуировка рыцаря на внутренней стороне моего левого безымянного пальца.

Я зашвырнула прославленную мятную таблетку через всю комнату, слушая *щелк-щелк-щелк*, с которым она отлетела от стены, прокатилась по моему столу – сделанному из двери, лежащей на двух офисных тумбочках, которые мама подобрала в Армии Спасения и покрасила в черный цвет, – и приземлилась на кучу сияющего нейлона цвета хаки, валяющуюся на полу.

Моя грудь сжалась, как будто кто-то за спиной туго затянул на мне шнурки невидимого корсета. В уголках глаз собрались слезы, потому что перед ними замелькали знакомые картинки. Скинхед, стоящий возле моего школьного шкафчика и надевающий мне на плечи маленькую темно-зеленую летнюю куртку, чтобы согреть мою вечно мерзнущую кожу. Его улыбка, с которой он поворачивает меня к себе, радуясь, что куртка подошла. Я никогда раньше не видела такой улыбки. Мне захотелось, чтобы он улыбнулся снова, но вместо этого он только нахмурился, когда я сказала, что не могу взять его подарок. Когда я, как и все остальные, отвергла его.

Зажмурив глаза, я прижала к ним ладони, пытаюсь избавиться от этих воспоминаний. Но они становились все навязчивее. А доктор вел себя так, словно перед ним был случай

обычной подростковой депрессии. Как будто мне нужно было всего лишь немножко успокоительных. Как будто то, что ты видела, как твой психопатический, перекачанный стероидами бойфренд забивает человека до смерти, это нормально. Как будто, когда твой друг детства совершает самоубийство, а ты помогаешь рожать своей лучшей подруге, истекающей кровью, и все это в один и тот же день, это тоже нормально. Как будто, когда твоя первая любовь внезапно вступает в Корпус Морского Десанта, а ты тут же узнаешь, что он, похоже, изменял тебе с геем, это тоже нормально.

Так вот, все это – ни фиги не нормально. Это тяжело. Общий вес всех этих травм тянул меня вниз, и я была слишком слабой, чтобы выплыть из-под него на поверхность. Слишком усталой. Вместо этого я уселась там, внизу, глубоко на дне, прикидывая, на сколько мне может хватить дыхания. И, хотя глаза щипало от никотина, а не от хлорки, мои замедленные движения, вес, давящий на меня сверху, перемежающиеся приступы паники и отчаяния были все такими же.

Я тонула.

Просто недостаточно быстро.

Не раздумывая, я потушила сигарету и поднялась. В моих заплаканных глазах плясали звезды, а поле зрения угрожающе сужалось, но я, ведомая яростью, прорвалась сквозь тошноту. Схватив со столика злосчастную выпечку, я кинулась в родительскую ванную в поисках облегчения.

По привычке я швырнула кекс в унитаз и спустила воду,

уничтожая следы преступления. Раньше я не жрала, чтобы быть худой и красивой, как Кейт Мосс. А теперь не жрала потому, что ни хрена не могла жрать.

Потому что это меня пожирали.

Я торопливо распахнула мамин шкафчик для лекарств, готовясь проглотить все его содержимое, которое только найду, просто для того, чтобы заглушить эту боль.

Но там было пусто.

Я распахнула вторую половину двойной зеркальной створки, открывая папину часть. Пусто. Все рецептурные опиаты, успокоительные таблетки, мышечные релаксанты, которые были там всегда, куда-то *исчезли*. Даже обезболивающие и сиропы от кашля, которые продают без рецепта, словно растворились в воздухе. И, сколько я ни рылась во всех ящиках, полках и шкафах, я не нашла ничего, кроме салфеток, косметики и туалетных принадлежностей.

Нет.

Нет.

НЕ-Е-ЕТ!

Мое сердце заколотилось, а комната начала вращаться вокруг своей оси. Я бежала сюда, рассчитывая найти выход из кошмаров, а вместо этого оказалась в западне. Выхода не было, вокруг меня сжимались стены.

Задышавшись, я ухватила за край раковины и закричала:
– Мам! Ма-а-а-а-ам!

Еще до того, как я услышала ее шаги по скрипучим ступе-

ням лестницы, ноги перестали держать меня.

– Господи, Биби, – сказала мама, войдя и обнаружив свою истощенную дочь на коленях возле раковины, прижавшуюся лбом к шкафчику под ней. – Что стряслось?

Все. Все, что можно, на фиг.

– Я не могу найти аспирин, – выдавила я.

– У тебя болит голова, детка? – спросила мама своим милым, сочувственным голосом, от которого мне всегда хотелось залезть к ней на ручки и поплакать.

Зажмурившись, я кивнула и уперлась головой в шершавую деревянную стенку.

– Бедная детка. Наверно, это мигрень? Сейчас я найду тебе экседрин.

Вместо того чтобы открыть шкафчик или ящик, мама открыла свой шкаф в спальне, позади меня. Обернувшись, я увидела, как она отодвинула висящие на вешалке платья в сторону и стала вертеть направо-налево ручку сейфа. Я не видела, что мама делала внутри, когда сейф открылся, но слышала знакомый шорох лекарственных упаковок, которые она перебирала в поисках нужного.

Наконец мама протянула мне две белые таблеточки, а я спросила обвиняющим тоном:

– А почему все лекарства *теперь* там?

Мама обвела ванную взглядом и начала наматывать на палец длинную рыжую прядь. Она всегда так делала, когда чувствовала себя неловко.

– Ну, детка, – сказала она, грустно улыбнувшись и наконец поглядев на меня своими зеленовато-карими глазами. – Этот психолог, к которому мы тебя водили, сказал, что было бы неплохо спрятать все лекарства в доме... И оружие тоже. Ну, знаешь, пока тебе не станет лучше.

Эти слова вышибли из моих легких даже то небольшое количество воздуха, которое там было. Я смотрела на мамино лицо, и по моим впалым щекам катились слезы. Ее слабая улыбка не могла скрыть боль в измученном взгляде. И тут я, к черту, не выдержала. Вся тяжесть ситуации обрушилась на меня, и все мое тощее тело затряслось в громких всхлипываниях.

Мама только что спасла мне жизнь.

Сев на пол рядом со мной, мама притянула меня к себе и принялась утешать.

– Знаешь, – сказала она, глядя меня по плечу шершавой от рисования, лепки и красок рукой. – Мне кажется, тебе стоит перестать пить эти таблетки. Я тут почитала, одной из побочных антидепрессантов у подростков могут быть суицидальные мысли.

– Правда? – спросила я, вытирая подолом майки нос и глаза. Я надеялась, что она права. Если в том, что я почти натворила, виноваты таблетки, то я не такое уж чудовище, каким себя чувствую.

– Правда. Знаешь, детка, я думаю, тебе просто надо пережить это. Ты не хочешь сходить к психологу? Или пори-

совать? Ты раньше любила рисовать. Или, может, начать писать? Знаешь, я читала, что писать людям письма и потом рвать их – тоже хорошее средство от депрессии. Или я видела это по телевизору?

Сидя на полу, прислонившись спиной к шкафчику под раковиной, натягивая на лицо майку, в которой спала несколько дней подряд, я кивнула.

– Может быть, я попробую, – пробормотала я в мокрую от слез ткань. А потом, сделав глубокий вздох, подняла голову и, ради мамы, выдавила улыбку. – Когда мы купим мне машину.

Конечно, прежде, чем я смогла забрать свою машину, мне пришлось отстоять двухчасовую очередь в Отделе регистрации экзаменов, сделать попытку запарковать мамин «форд таурус» на глазах у апатичной тетki с блокнотом, провалиться и снова отстоять очередь, чтобы сделать свою фотографию с бритой головой и ввалившимися глазами.

Никому не нравятся их фоточки на права, но на мою было просто больно смотреть. Я выглядела на ней как раковый больной. Или тяжелый наркоман. Казалось, я вот-вот умру.

Потому что я умирала.

Из-за парня.

На самом деле все, что я делала до сих пор, так или иначе было ради парней. Одно из моих самых ранних воспоминаний – это как я позволила своей детсадовской любви отре-

зять одну из своих косичек. Совершенно естественно, если учесть, что с тех пор я только и делала, что раздавала куски себя разным парням. Может, именно поэтому я и весила на пятнадцать кило меньше нормы. Я просто слишком много раздала.

С правами в руках я отправилась на встречу с хозяином «мустанга». Я была девушкой со страстью к мощным машинам и бюджетом на крошку мини, но умудрилась найти себе «мустанг-пикап» 93-го года с пятилитровым двигателем и, к своему ужасу, ручной коробкой передач, но довольно дешево. Мне все равно на него не хватало, однако мама согласилась одолжить мне недостающее из своих небольших сбережений, чтобы все получилось. Думаю, она даже больше, чем я сама, была рада, что мне больше не придется просить парней подвезти меня.

Казалось бы, я должна радоваться. Я хотела машину – именно «мустанг» – сколько себя помнила. Но, сидя в своей новой (хотя и не новой) машине возле нашего дома, я представила себе лица тех, кто *не будет* сидеть на моем пассажирском сиденье, и зияющие дыры в моей жизни стали еще ощутимей.

Рыцарь? В тренировочном лагере.

Джульет? Сидит с младенцем.

Август? Умер.

Ланс? Умер для меня.

Прежде чем эта волна сожалений успела вырваться на-

ружу и захлестнуть приборную доску, я увидела, как к дому подъезжает потрепанная старая «тойота» со светящимся знаком доставки пиццы на крыше. Мы с родителями жили в небольшом сером домишке посреди запустений Джорджии. Маме это нравилось, потому что она могла не скрывать тут свое пристрастие к траве, папе это нравилось, потому что ему вечно казалось, что правительство следит за ним и пытается украсть его оружие. Но я ненавидела это, потому что до всех моих друзей отсюда было как минимум полчаса езды. Ну, когда у меня были друзья.

Вздохнув, я сползла на сиденье пониже, чтобы избежать какого бы то ни было общения.

Я хотела услышать, как уезжает развозчик пиццы, но вместо этого услышала, как меня зовет мама:

– Биби... Би-и-и... Би-и-и-и-и-и... Детка, иди есть! – совершенно разрушая мое укрытие.

Снова вздохнув, я вышла из машины, пригнув голову, чтобы не встречаться взглядом с уходящим развозчиком. Мне не хотелось видеть его реакцию на крошечное, хрупкое, бледное существо неопределенного пола, вылезшее из машины с закрытыми наглухо окнами в середине июня. Я и так знала, что выгляжу, как Голлум, впервые вылезший из своей пещеры на свет. И мне не нужно было читать это на лице незнакомца.

Вместо обычной еды с подносов перед телевизором в гостиной мы с родителями соорудили обед на кухне за «стой-

кой» – высоким столом из дешевой формайки с парой барных стульев, которые мама разыскала на распродаже, – чтобы исполнить обязательный именинный ритуал. После пиццы, к которой я не притронулась, мама вручила мне свой очередной фирменный, бесформенный, слегка подгорелый самодельный кекс. Будучи верны себе, родители не смогли найти свечек, так что мама зажгла спичку и воткнула ее в глазурь. Они с папой спели мне: «С днем рождения», и я вежливо улыбнулась, считая минуты до момента, когда я смогу уйти к себе в комнату и закурить.

Когда я закончила гонять по тарелке крошащийся кусок кекса, скармливая его нашему ретриверу, папа протянул мне листок бумаги.

– С днем рождения, детка. – сказал он с улыбкой.

Этот человек не работал уже много лет, так что я знала, что подарок на самом деле от мамы, но тот факт, что он сиял от уха до уха, вручая его мне, говорил о том, что он сам его выбрал – что бы это ни было.

Когда я развернула листок, нахмуренная морщинка между моими бровями разгладилась, и они поднялись высоко на лоб. Там были нарисованы четыре сияющих автомобильных колеса из твердых сплавов. В купленном мной «мустанге» стоял самый позорный набор пластиковых колес с вытертыми почти налысо шинами, но мне даже в голову не приходило попросить заменить их.

– Мама хотела, чтобы у тебя были просто надежные коле-

са, но я уговорил ее на небольшой апгрейд, – сказал папа, подмигнув. – И у тебя в понедельник назначено время в A&J Auto, чтобы их заменили.

Тот, кто сказал, что счастья за деньги не купишь, просто никогда не дарил набора твердосплавных колес на шестнадцатилетие девочке из рабочей семьи. Думаю, я улыбнулась впервые за несколько недель. Улыбнулась? Господи, да я завизжала. Я запрыгала. Я обняла их обоих.

Потом я побежала к себе наверх, сунула в рот сигарету и позвонила своему последнему другу, чтобы рассказать новости. Когда Джульет, перекрикивая вопли младенца, спросила, хорошо ли прошел день рождения, я сказала да. И, к собственному удивлению, была практически искренна.

Глава 2

Понятно, что A&J Auto был самым дешевым гаражом в городе – и не без причин. Место было мрачным, и его, казалось, декорировал слепец где-то в 70-х годах. Низенький, лохматый, похожий на тролля мужик поприветствовал меня глухим фырканьем, взял мои ключи и исчез, оставив меня у стойки.

Не зная, чем заняться, я прошла в дверь, которая, как я думала, вела в прокуренную комнату ожидания, но вместо этого обнаружила, что попала в основной гараж. Я тут же развернулась бы и ушла, но машина, стоящая на ближайшем ко мне подъемнике, приковала мое внимание.

Это была любовь с первого взгляда. «Мустанг» конца 60-х, с гоночным корпусом, матово-черного цвета, затемненными окнами и большим окном на крыше. Он выглядел так, словно попал сюда прямо из кино.

– Я могу вам помочь?

Обернувшись, я встретила заинтересованный взгляд широкоплечего голубоглазого механика с каким-то прямо юным, невинным, почти детским лицом. Его светло-русые волосы были стянуты сзади в большой пучок. Руки выше локтя покрыты густой сетью татуировок. В нижней губе торчало колечко. А на рабочей майке с эмблемой гаража, обтягивающей мощную грудь, было вышито его имя.

Приве-е-е-ет, Харли.

– Простите, – начала запинаться я. – Я знаю, мне, наверно, сюда нельзя, но я... – Я обернулась на зверюгу, стоящую на подъемнике, и мою грудь стиснула тоска. – Я не могла от нее уйти.

Харли – если это вообще было его имя – хихикнул и сказал:

– Так вам нравятся девочки?

– Что? Нет! – воскликнула я.

– Хорошо, – улыбнулся механик, и лукавый блеск в его глазах напомнил о том, как мне когда-то нравились мальчики.

Стараясь вернуться от обсуждения моей сексуальной ориентации к машинам, я огляделась и указала на свой выцветший черный пикап на дальнем подъемнике.

– Я вожу детскую версию вот этой.

Харли глянул на мое самое ценное имущество и одобритительно кивнул:

– Пятерка? Неплохо. Ручник или автомат?

– Ручник, – простонала я.

– Че, правда? Твой парень научил тебя водить эту штуку?

– Нет, – сказала я, приоткрыв рот в притворной обиде.

– А-а, – кивнул Харли. – Ты встретила его уже после покупки машины.

– У меня вообще нет парня, – сказала я, закатив глаза.

Он был симпатичным. Лицо как у Джеймса Дина, а тело

как у Дина Кейна. И этот выговор. На юге южный выговор слышен на каждом шагу, но у Харли он был настолько легким, что это было ужасно мило. Мило, мило, мило.

Ухмыльнувшись, Харли спросил:

– Значит, это твой старик разбирается в тачках?

– Угадал, – улыбнулась я. – Я с детства смотрела все его журналы про старые машины. И всегда вырезала картинки с «мустангами» и вешала на стенки, но скотч их портил, и тогда мама купила мне такую прозрачную занавеску для душа с кармашками, и я...

Харли поднял руку, чтобы я замолчала.

– Я должен остановить тебя, – просиял он. – Потому что сейчас не могу думать ни о чем другом, кроме как о тебе в душе, и поэтому все равно не воспринимаю ни единого твоего слова.

Боже мой!

Я почувствовала, как у меня краснеет шея. Я прикусила изнутри обе щеки, чтобы мое лицо не расплывалось в улыбке до ушей, которую вызвал этот небольшой, но горячий комплимент. Этому парню, Харли, должно быть, было лет двадцать с небольшим, он был кле-е-е-евый, и он со мной кокетничал.

Не имея представления, что ему ответить, я снова попыталась сменить тему.

– Ну, а ты что водишь?

– Хм-м-м-м. – Харли склонил голову набок и улыбнулся. –

Попробуй угадать.

О, теперь мы играем в игры... Ла-а-адно...

Я побарабанила пальцами по губам и смерила его глазами.

– Ты кажешься мне... парнем с «фольксваген-жуком».

Харли сначала рассмеялся, но потом скорчил гримасу, изображая обиду.

– Что, нет? О, я знаю. «Крайслер PT Cruiser».

Харли поджал пухлые губы, усиливая гримасу.

– «Пинто» с деревянной панелью?

Он в ужасе сморщил нос.

– Знаю, знаю! Это был вопрос на засыпку! У тебя мотоллер!

Фыркание.

У меня кончились идеи, я огляделась вокруг и увидела «импалу» 64-го года с откидным верхом.

– О-о-о, я нашла. Вот она, тут, – сказала я, указывая на нее. – И такая клевая золотая каемочка. Я уверена, ты поставил в нее гидравлический подъемник.

Харли больше не мог удерживать смех. Он оказался низким и хриловатым, и у меня все сжалось внутри.

– Уже теплее, – сказал Харли. – И в ней тоже есть гидравлика. – Подняв испачканный машинным маслом палец, Харли указал на черную секс-машину возле меня.

– Нет! – завизжала я, хлопая его рукой по груди. – Не может быть!

– Да. Это моя старушка, – просиял Харли.

– Боже мой! Господи! Она *твоя! Вот прям твоя?* И ты на ней ездешь? Черт возьми! Какой это год? 69-й? А какой там мотор? Она вся родная?

Харли склонил голову набок и сказал:

– Говоришь, ты девушка мощных машин? Вот сама и скажи.

– Черт. – Я потеряла руки, принимая вызов. – Так, посмотрим... Если это 69-й, а я думаю, это он, тогда это должна быть GT, «мач» или «босс». Или E, но они страшно редкие. У GT слегка другой капот, и я уверена, что «мач» делали с другими спицами на колесах. Значит, это «босс», да? Но это «Босс 302» или «Босс 429»? Фух!

Харли тихо присвистнул и несколько раз хлопнул перемазанными ладонями.

– Черт, девочка. Если б ты не была такой юной, я б на тебе женился.

Я рассмеялась, но не могла понять, в чем тут подвох. Владелец такой машины, с таким лицом и таким телом флиртывал со мной!

Не в силах сдержаться, я сказала:

– А знаешь, в шестнадцать лет в штате Джорджия можно жениться, если у тебя есть разрешение от родителей.

Рассмеявшись, Харли ответил:

– Ни фиги себе. Знаешь, я лучше поскорее начну копить на кольцо, потому что мне не хочется тебя потерять.

Мой желудок сделал двойное сальто с переворотом и при-

землился обратно.

Я снова решила сменить тему с нашей предстоящей помолвки обратно к машинам, хотя бы для того, чтобы прийти в себя.

– Так это 302-й или 429-й? – спросила я, кивая на матово-черный оргазм на колесах позади нас.

– Думаю, тебе придется подождать, пока ты не выяснишь это сама.

– Ну-у, – заныла я. – Это сколько ж придется ждать?

– До вечера. – Харли ухмыльнулся, словно сам дьявол, собирающийся завлечь очередную грешницу. – Я приглашаю вас на трек, леди!

Глава 3

Леди? Леди. ЛЕ-Е-Е-ди. Ле-ДИ-И.

По пути домой из гаража я снова и снова прокручивала в голове разговор с Харли – клевым, татуированным механиком с детским лицом. Мало того что я улыбалась второй день подряд, я улыбалась, просто не переставая. Я была за рулем своего собственного «мустанга» – с блестящими новыми колесами, спасибовсембольшое, – и у меня сегодня было свидание с самым сексуальным сукиным сыном, какого я видела в жизни.

И он назвал меня *леди*.

Леди. Мне это нравилось. Это было так по-взрослому. Сильно. Леди – это кто-то, заслуживающий уважения. А Рыцарь всегда называл меня только *Панк*.

Панк (*суиц.*) – жаргон.

1. Кто-то или что-то несущественное
2. Юный хулиган; рэкети́р
3. Неопытный юнец
4. Младший гомосексуальный партнер мужского пола
5. *Тюремный жаргон*. Мальчик

Очень подходяще, особенно с учетом того, что в тот день, когда Рыцарь уехал в Морской Корпус, Ланс Хайтауэр –

панк-рок, предмет моих вздыханий с шестого класса – сказал мне, что сосал Рыцарю все то время, что мы с ним встречались. То есть Рыцарь изменял мне с *парнем*. И не просто с каким-то парнем, а с тем, в которого я была влюблена до того, как Рыцарь ворвался в мое сердце.

А *еще* Ланс сказал мне, что единственная причина, по которой я понравилась Рыцарю, это то, что я выгляжу как мальчик.

Как *панк*.

Взглянув в зеркало заднего вида, я громко вздохнула, понимая, что мои волосы с того времени не выросли чудесным образом сантиметров на сорок. Прошлой осенью я сбрила их почти наголо, оставив только челку и две длинные пряди по бокам, все это – в попытке обратить на себя внимание Ланса. Очевидно, мой план сработал как-то не так.

Вместо Ланса меня заметил Рональд «Рыцарь» Макнайт, единственный в нашей школе скинхед. Он месяцами преследовал меня, доставал, разогнал всех моих друзей и, в конце концов, вынудил меня полюбить его. Когда я влюбилась, то влюбилась сильно. И, когда я уже была готова поднести ему себя на тарелочке, Рыцарь оттолкнул меня. Захлопнув дверь, он в одночасье превратился из моей любви в моего мучителя. Он игнорировал меня, оскорблял, даже применял ко мне физическую агрессию. А потом взял и записался в Морской десант, чтобы спасти меня от отсутствия самоконтроля.

С его отъезда прошло три недели. Эти три недели ка-

ким-то образом ощущались и как три дня, и как три десятилетия одновременно. Я смирилась с тем, что все кончено. Это было задолго до отъезда Рыцаря в тренировочный лагерь. Но то, чего я не могла принять, что продолжало грызть меня изнутри, это вопрос о том, изменял мне Рыцарь или нет.

Я хотела понимать, что мне чувствовать. Скучать мне по Рыцарю или ненавидеть его? Он действительно изменял мне или Ланс все это придумал? Лансу нельзя было особо доверять – да что уж, он был злобным мелким выпендрежником, – но, если честно, я отчасти надеялась, что он сказал правду. И тогда я, для разнообразия, могла бы злиться.

Потому что я уже чертовски устала грустить.

Я подъехала и, притормозив возле голубого почтового ящика рядом с почтой, вытащила из своей бесформенной пушистой сумки леопардовой расцветки помятый конверт, адресованный Рекруту Рональду Макнайту. И замерла в нерешительности, глядя на письмо. Порвать его, как предлагала мама, или же сказать «*хрен с ним*»?

Как бы мне ни хотелось со всем покончить, было страшно отправлять письмо. Я знала, что от этих моих слов Рыцарь взбесится. *По-настоящему.*

А когда Рональд Макнайт впадал в бешенство, люди вокруг страдали. И исчезали.

Людей разбивали головы бейсбольной битой.

Гудок, раздавшийся позади, испугал меня, и мое тело

среагировало машинально. Левая рука высунулась в окно и швырнула тикающую бомбу в прорезь почтового ящика. Левая нога выжала сцепление. Правая нога нажала на газ, но моя координация была настолько слабой, что машина скакнула вперед, дико затряслась и заглохла.

Почти так же, как мое сердце, когда я поняла, какую херню только что сотворила.

*Рекр. Рональд Макнайт
Отдел Рекрутов Морского Корпуса
283 Бульвар Де Франс
Пэррис Айленд, ЮК 29905*

22 июня 1998

*Дорогой Рыцарь,
Пег дала мне твой адрес. Надеюсь, ты не против.
Вообще-то мне насрать, против ты или нет. Я тебя
больше не боюсь, потому что тебя ни хрена тут нету.
Ты уехал в Морской Корпус служить своей стране и
беречь меня от жизни с тобой. Верно? Ты же мне так
сказал?*

*Ну, а Ланс Хайтауэр рассказал мне тут другую
историю, которая началась с того, что ты давал ему
сосать свой член на студенческой парковке, а кончилась
тем, что ты отлупил его в клочья и устроил так,
чтобы на следующий день его исключили из школы. Я
всегда подозревала, что это ты его заложил. Я думала,
это потому, что ты разозлился из-за того, что он*

давал мне мет, но это ведь не имело отношения ко мне, да? Ты хотел убрать Ланса, чтобы не вспоминать о том, что ты с ним делал.

Я сперва не хотела в это верить, но чем больше я думала, тем больший все это имело смысл. Ты всегда говорил, что Ланс – гей, даже до того, как он признался. Я видела вас в тот день вдвоем на парковке. Ты в тот же день избил его. Ты принимал стероиды, водил свой жуткий грузовик и одевался как скинхед. Ты поступил в десант.

Ты все время боролся со своей сущностью, пряча это под всевозможными мужскими штуками, которые только мог придумать. А когда все это не сработало, ты убежал от этого всего.

Мне все равно, гей ты, би или просто ни хрена не понимаешь. Дело не в этом. Дело в том, что, кто бы ты ни был, ты скрывал это от меня. Ты заставил меня поверить, что то, что у нас было, было настоящим. Но это все была иллюзия, верно? Ты никогда меня не любил. Ты мне врал. Ты мной манипулировал. Ты превратил мою жизнь в ад. А теперь я узнала, что ты мне еще и изменял.

Я не жду от тебя объяснений. И даже не хочу их. Я уверена, что бы ты ни сказал, это все равно снова будет чертово вранье. Я просто хочу, чтобы ты знал, что я наконец знаю правду.

Может, теперь это не будет так дико болеть.

Счастливо.

ББ.

Глава 4

– Джулс, у меня через два часа чертова свиданка, а я ни хрена не знаю, что мне надеть! Ты мне нужна! – Зажав свою блестящую «нокиа» между плечом и щекой, я подпрыгивала на месте, стараясь втиснуться в виниловые штаны питоновой расцветки.

– Свиданка? Да ты последние две недели от депрессии из дому выйти не могла, а тут вдруг у тебя свиданка? С кем это ты намылилась? С почтальоном? Потому что, я уверена, это единственный парень, которого ты видела после учебного года.

Джульет даже в лучшие дни была резкой, а уж теперь, когда ее бойфренд был в тюрьме, а сама она сидела дома с младенцем, она стала злющей гормональной сукой. Хотя я не возражала. Разговор с ней всегда напоминал мне, что у других бывает похуже моего.

– Уж кто бы говорил. Я уверена, ты и сама не выходишь из дому, – поддразнила я.

– Я только что родила, на хрен! У меня сиськи текут. Я все еще в шмотках для беременных, и я три дня не была в душе!

Рассмеявшись, я сунула ноги в свои потрепанные черные бойцовские ботинки.

– Отговорочки. Итак, вернемся ко мне. Я думаю – питоновые штаны, ботинки, ясно дело, и, может, простой черный

топ. Я хочу быть секси, но не напряжно. Этому парню, думаю, уже за двадцать.

– Вообще-то у нас сейчас июнь, забыла? Там, типа, сто градусов на улице. Не знаю, как ты собираешься выжить в этих штанах из кожных и в своих говнодавах.

– Я мерзну в шортах! – взвыла я, отстраняя телефон от уха, чтобы просунуть свою руку-палку в бретельку черного кружевного топа.

– А во-вторых, этот взрослый мужик знает, сколько тебе?

– А какая разница? Я достаточно взрослая. Шестнадцать – официальный возраст согласия в Джорджии. И потом, твоему-то было вообще двадцать шесть, – ответила я более ядовито, чем собиралась.

– *Бывшему*. И, гос-споди, успокойся ты, Судья Джуди. Я просто спросила.

– Извини. Фу. Я психую. Я не хочу, чтобы он смотрел на меня как на младенца, понимаешь? – Я встала перед своим зеркалом в полный рост и повертелась во все стороны. С моей черной подводкой и красным лифчиком «вандербра» на водяной подушке я выглядела на все семнадцать. Ну почти.

– Ну, и кто же этот счастливчик? – пошла ва-банк Джульет.

– Ой, Джулс, он такой милый, – заверещала я. – Его зовут Харли, он механик в гараже, где я сегодня меняла колеса, и у него обе руки в тату, и пирсинг в нижней губе, и он так офигенно флиртует, и у него такие секси светлые волосы, и,

боже, – я перевела дух, – он водит охренный «Босс 429» 1969 года! Ну, или, может, это 302-й, но я почти уверена, что 429-й! И я думаю, он может дать мне порулить...

– Харли *Джеймс*? – перебила меня Джульет, и ее тон прозвучал с гора-а-а-аздо меньшим энтузиазмом, чем мой.

– Ага! – Это было имя, которое механик забил в мой телефон, прежде чем я уехала из гаража. – Ты его знаешь?

– Да его все знают! Он, типа, был главным панком в Персиковой Старшей! Разве ты не помнишь? Такие светлые волосы, как у Билли Идола, и его выперли из школы в одиннадцатом классе за то, что он дал в морду завучу! О, и я слышала, он к тому времени переспал чуть ли не с сотней девочек.

Я припоминала какие-то такие слухи, но мы тогда были, типа, классе в шестом, так что они не произвели на нас большого впечатления. Плюс я тогда помирала по другому шикарному панк-рок-богу в собственном классе – Лансу Хайтауэру.

– А, ну да, – сказала я, притворяясь, что помню, о ком она говорит, и продолжая рыться в своей косметичке.

– Так что, детка, лучше предохраняйся, – предупредила Джульет. – Этот парень – бабник.

– Ладно, мамочка, – проскулила я. – А как ты думаешь, бабникам нравится светлая или яркая помада?

– Лучше выбирай светлую, с учетом того, что она потом может размазаться по всему его члену.

– Фу! – завизжала я, и Джулс разразилась утробным смехом. Было так здорово снова его услышать, даже если она смеялась надо мной.

– Черт, кажется, я разбудила младенца, – сказала Джульет, отсмеявшись. – Тьфу ты. Вот, кстати, еще одна причина предохраняться. Это – хуже всего.

– Детка, я видела, как ты его рожала. Поверь мне, я с тех пор жру противозачаточные, как конфеты.

Джульет хихикнула, но я услышала печаль в ее смешке.

– Веселись, – сказала она, и вой на заднем плане сменился хлопаньем и чавканьем. – И берегись.

– Что, твоя сиська сейчас у кого-то во рту, да? – спросила я, пытаюсь разрядить обстановку.

– Ну да, – сказала Джульет. – Думаешь, одна ты тут делом занимаешься?

Глава 5

Хоть я и старалась точно следовать всем указаниям, нацарапанным на обороте квитанции из A&J Auto, я все равно раза три пропустила нужный поворот. Харли предупредил, что там не будет никаких указателей, но он ничего не сказал о том, что улица окажется в процессе зарастания чертовым лесом.

«Ничего, это не опасно, – думала я, пробираясь со скоростью десять километров в час по тому, что, возможно, было проездом к сараю для изнасилований. – Взрослый человек, которого ты никогда раньше не видела, назначил тебе встречу в месте без адреса и без указателей, среди чертова леса, и ты согласилась, потому что он сказал, что, может, даст тебе порулить своей машиной. Тупица, да ты бы лучше сразу забралась в фургон к незнакомцу за конфеткой».

Но мой извечный идиотский оптимизм отказывался слышать голос разума, огрызаясь в ответ: *«Ну да, но я же видела и конфету, и незнакомца. И они стоили того, чтоб залезть в тот фургон».*

Как раз в этот момент дорога вышла на вершину холма, и меня неожиданно ослепило шестичасовое летнее солнце. Опуская темные очки в оправе в форме красного сердечка с макушки на лицо, я притормозила почти до полной оста-

новки и усталилась на кратер размером со стадион, лежащий внизу. Он выглядел так, словно подрядчик расчистил место для постройки квартала. Там были проложены и покрыты асфальтом основные улицы – большой овал и несколько проездов тут и там, но не было никаких домов. И никаких котлованов. Там не было ни переносных сортиров, ни строительных вагончиков, вообще никаких следов никакого строительства. Там были только грязь, асфальт и самая сексуальная в мире машина.

«Босс» был припаркован у подножия холма, и, хотя на него нещадно светило солнце, он не блестел и уж точно не сиял. Матовое черное покрытие поглощало свет и пожирало его, как матовая черная дыра на матовых черных колесах.

И, опираясь на нее – с сигаретой, в черных брезентовых штанах, черных ботинках, с цепью и в черной майке, – стоял человек, достойный ее водить.

Харли чертов Джеймс.

Услышав, как я спускаюсь с холма, Харли поднял голову и улыбнулся, отчего я стала нервничать немного меньше. Или больше? Может быть, нервничать меньше, а заводиться больше? Но, как бы там ни было, это повлияло на мой мозг, потому что, доехав до него, я переключила машину на первую передачу, подняла ручной тормоз и сняла ногу со сцепления... И все это – не выключая мотора. Машина затряслась, скакнула вперед и великолепнейшим образом заглохла.

Взвизгнув, я закрыла лицо руками, а Харли, не спеша, пошел ко мне.

«Биби, будь крутой, крутой. Ты же крутая. Верно? Ну так и будь крутой. Что сделала бы крутая телка, если бы заглохла на глазах суперкрутого взрослого мужика?»

Отняв руки от лица, я судорожно огляделась в поисках сигареты. Закурив дрожащими пальцами, я выдохнула и, прежде чем открыть дверь машины, произнесла безмолвную молитву.

Меня тут же окутало густым влажным воздухом и раскатистым звуком хрипловатого смеха Харли. Я повернулась на сиденье боком, спустила свои пятикилограммовые ботинки со стальными носами на землю и оглядела снизу вверх длинное, стройное тело Харли. Мое сердце стучало, а щеки пылали, но я выпустила неспешную, густую струю дыма и попыталась сделать вид, словно это не я только что позорно заглохла на виду у знаменитого плохого парня.

– Привет, – сказала я, заставляя себя взглянуть ему прямо в глаза и благодаря боженьку за укрытие в виде больших темных очков.

Харли был даже круче, чем в первую встречу. Прошло всего несколько часов, но от самого факта, что он был одет как панк-рокер, у меня защипало соски. Он был самым крутым чуваком, какого я знала, а ведь он даже не старался. А это лицо? *Черт возьми.*

– Привет, – хохотнул Харли, протягивая мне обе руки ла-

донями вверх.

Зажав сигарету в зубах, я положила на них свои руки, позволяя ему вынуть меня из машины. Прежде чем отпустить, Харли провел своими мозолистыми пальцами по тыльным сторонам моих ладоней. От этого ощущения у меня сжалось все нутро.

– Знаешь, есть ведь и лучшие способы угробить мотор, – поддразнил он.

Я закатила глаза за очками и выпустила клуб дыма из угла рта.

– Знаю, – сказала я. – Но я хотела въехать эффектно.

Я снова заставила себя встретиться с Харли глазами, и у меня захватило дыхание. Черт побери. Даже когда он улыбался, со своими голубыми щенячьими глазами и этой пухлой нижней губой с кольцом, он казался надувшим губы.

– В «мустангах» такое тугое сцепление, – произнес он голосом, напоминающим одновременно наждак и сахар. – Может, тебе стоило начать с мотороллера?

Изобразив оскорбленный вид, я стукнула его по груди.

– Черт, девушка! Ты первая начала, – рассмеялся Харли, прикрываясь рукой, словно я собиралась на него напасть.

– Да, но ты-то водишь *вот это*, – показала я пальцем через плечо. – Даже если кто-то назовет мотороллером твою маму, ты можешь ответить, типа, «*Что-что? Простите, я вас не слышу из-за мотора своего „Босс 429“*».

Захлопнув свою дверцу, я оперлась на нее, чувствуя, что

у меня подгибаются колени и мне нужна какая-то опора.

Харли ухмыльнулся.

– А я думал, ты не можешь различить 302-й и 429-й, – сказал он с плутовской искоркой в глазах.

– Скажем так – если ты заставил меня притащиться в такую даль из-за несчастного мелкого 302-го, я буду сильно разочарована.

Харли улыбнулся во весь рот, и я заметила, что у него есть щелка между передними зубами. Крохотное расстояние, но его было достаточно, чтобы я расслабилась. У меня тоже такое было. Даже после двух лет в брекетах оно все равно не исчезло до конца. Но оно мне нравилось. Люди говорили, с ним я похожа на Мадонну. Такую Мадонну без сисек, бритую и весом сорок два кило.

– Ну, давай тогда покончим с твоим разочарованием.

Харли взял меня под руку и подвел к водительской дверце своего матового оргазма на колесах. Как будто бы я вот так бы в него и села. Как будто это была «хонда аккорд» или еще какое дерьмо. Отпустив локоть Харли, я продолжала идти, обходя машину два, три, пятнадцать раз. Это как смотреть на *Мону Лизу*. Или на алмаз Хоупа. Удивительно, что это произведение искусства не было окружено защитой из лазерных лучей.

Я оглянулась на Харли. Он явно наслаждался моим восхищением. Я была уверена, что тут, в пригородах Атланты, никто даже представления не имел, насколько потрясающей

была эта машина. На всех аукционах классических машин, которые мы с папой смотрели по телевизору, «Босс 429» всегда уходил больше чем за сто тысяч долларов. Каким образом мог кто-то, не закончивший школу, рассекать на такой?

«Ну, он же механик, – сказал оптимистический голос в моей голове. – Может, он сам собрал ее по кусочкам. Может, он сложил ее из лишних запчастей, и теперь она стоит шесть нулей. Может, он предприниматель с огромным потенциалом».

«А может, он торгует наркотиками», – отозвалась рациональная сторона.

Харли наклонил голову набок, прищурился на солнце и спросил:

– Ну, ты собираешься ее завести? Или так и будешь глядеть, как на кусок мяса?

– Харли Джеймс, ты феминист? – спросила я с ухмылкой, когда он открыл для меня водительскую дверь.

– Конечно, – ответил он.

Я отшвырнула сигарету перед тем, как сесть – *о-о-о, зуб даю, это выглядело так круто*, – и подавила в себе непреодолимое желание обхватить его руками за талию и вдохнуть его запах, пока подныривала ему под руку. Наверняка он пахнет потом и машинным маслом. А я, *готова поспорить*, воняю потом. Потому что мои резиново-питоновые штаны в облипку все пропитались им изнутри.

Как только моя обтянутая винилом задница коснулась об-

тянутого кожей сиденья, я испустила тихий стон. Я сидела в машине моей мечты, и она вся пахла кожей и тестостероном. Если рай существует, то, я уверена, я как раз в нем и сидела.

Харли обошел вокруг и сел на пассажирское место, оставив обе дверцы нараспашку, чтобы мы там не сварились заживо.

Я провела руками по деревянной обшивке руля и в восхищении повернулась к нему.

– Ты все оставил оригинальным, – сказала я, любуясь ореховым деревом.

– Кроме приборов, ремней, педалей и коробки скоростей, – хихикнул Харли. – Но да, руль я не трогал. Эта штука слишком клевая, чтоб ее менять. Где ты в последний раз видела деревянный руль?

– Кажется, у бабушки в «бьюике» был, – вырвалось у меня.

Харли вскинул руку, указывая мне на открытую дверь.

– Выходи отсюда! – велел он, нахмурившись на секунду. И тут же снова вернул на место свою хулиганскую улыбку.

Выдохнув, я пихнула его в татуированное плечо.

– Не делай так, зараза!

Харли так широко улыбнулся, что, казалось, его нижней губу разорвет пронизывающее ее кольцо.

Сунув руку в карман, он вытащил ключи. И воткнул один из них в зажигание.

– Ну, раз ты не собираешься выходить, давай посмотрим,

что тут у нас, – сказал он, поднимая брови и глядя на меня своими прелестными щенячьими глазами. – Заведи ее и скажи мне, что у нее там внутри.

Господи, да разве я умею заводить машину? У меня и своя-то всего чуть больше суток.

«Ну, ладно... левая нога, сцепление... Правая – тормоз. Э-э... первая передача? Первая. Опустить ручник...»

Поглядев на центральную консоль, где находился ручник в моей машине, я не обнаружила ничего, кроме гладкого дерева и пачки «Кэмел лайтс».

Черт.

Я взглянула на Харли, который с восторгом наблюдал за мной, и сказала:

– Прости, чувак. Твоя тачка, похоже, сломана. Кто-то забыл установить тут ручной тормоз.

От вырвавшегося у него смеха бурлящее в моей груди чувство из тревоги стало обожанием. Рассмешить Рыцаря было ужасно трудно. Даже заставить этого злюку улыбнуться было для меня единственным поводом вставать по утрам. Это всегда было испытанием, а иногда – единственным способом удержать его от того, чтобы он никого не убил. Но Харли улыбался просто так. Он смеялся. Дразнил. Играл. Флиртовал. Господи, да он просто был счастливым. Я раньше тоже была счастливой, до того, как все рухнуло и стало дерьмом. А с Харли мне удавалось вспомнить, как это было раньше.

Я начала думать, что мы с Харли одинаковые. Настолько

же, насколько мы были разными с Рыцарем. И мне это нравилось.

Харли наклонился вперед так, что его лицо было в сантиметрах от моего. Потом он коснулся ручки под рулем. Постучав по ней пальцами, он сказал:

– Выжми сцепление и тормоз одновременно, а потом нажимай сюда.

Я сделала, как он велел, и мне не оставалось больше ничего, кроме как повернуть ключ. Сделав глубокий вдох, я завела мотор. Двигатель ожил, вся машина задрожала, а у меня внезапно намокли трусики.

– Теперь добавь газу, но *не снимай* ногу со сцепления, – крикнул Харли через рычание своей секс-машины.

Я осторожно коснулась педали газа покрытым сталью большим пальцем и увидела, как стрелка тахометра, считающая обороты двигателя, взлетела, а кабину наполнил оглушающий рев. Это не 302-й. У меня упала челюсть. Вытаращив глаза, я уставилась на Харли. А он протянул руку, поднял очки сердечком на мою бритую макушку и улыбнулся.

– Ну? Ты не зря притащилась в такую даль? – спросил он, наклонив голову набок.

Я только помотала головой с разинутым ртом, не в силах сказать ничего остроумного. Я была уничтожена.

– А сейчас, – Харли указал на педали, – добавь совсем чуть-чуть газу и держи его, пока будешь отпускать сцепление.

Я снова помотала головой.

– Ты не хочешь ее поводить? – нахмурился он.

Снова мотание.

– Леди, закройте дверь, возьмите руль в руки и уберите ногу со сцепления.

БожэБожэБожэБожэБожэ...

Ну как, как я могла управлять этим самолетом на колесах, когда я и своими-то конечностями управляла с трудом?

Я осторожно закрыла дверцу, взялась за руль в позиции десять и два – точно так же, как я делала, сдавая экзамен по вождению, – и слегка нажала на газ. Рев усилился, я резко сглотнула, расправила плечи и приподняла ногу со сцепления.

«Умоляю, только не заглохни. Только не заглохни. Только не...»

Машина рванула вперед, как ракета, впечатав мой затылок в подголовник. Я сняла ногу с газа, чтобы замедлиться, но это, очевидно, было ошибкой, потому что машина начала дергаться и подпрыгивать, как чертов конь, именем которого и называлась.

– Больше газу! – заорал Харли.

Я ударила ногой по газу, сильнее, чем собиралась, и «босс» на полной скорости влетел в первый поворот на овальной улице.

– Передачу!

Черт.

Я перешла на вторую, и это вообще-то оказалось нетрудно. Это было знакомо.

– Теперь, поворачивая, *слегка* убавь газ.

Я послушалась, выдохнув с облегчением, когда машина не подпрыгнула снова.

– Вот так. Теперь, когда ты уже ее чувствуешь, можешь на прямой переходить на третью. А на поворотах втыкай нейтраль, жми тормоз и в ту же секунду снова переходи на передачу.

Хотя в моих залитых адреналином ушах все это звучало примерно как греческий язык, Харли удалось провести меня по всем поворотам.

После десятка кругов я уже рулила сама и наконец сумела разжать мертвую хватку на руле настолько, что начала чувствовать собственные пальцы. После пятнадцати я начала ощущать езду. А после двадцати поняла, что мне, пожалуй, нужна сигарета после секса.

Я остановилась возле сиротской версии чудовища, которое только что почти приручила, и... позорно заглохла.

– О боже! – вскрикнула я, лупя себя по коленкам. – Я дико извиняюсь!

Я думала, Харли оторвет мне голову, но он просто рассмеялся и сказал:

– Знаешь, может, тебе стоит попробовать в следующий раз воспользоваться ключом? Это тоже работает.

Я его люблю. Вот правда. Просто люблю.

Я встретила́сь взглядом с этим парнем с детским лицом и с удивлением поняла, что не хочу отворачиваться. Встретаться взглядом с Рыцарем было все равно что смотреть в глаза зомби. У него были такие бледные глаза. Холодные. Расчетливые и немигающие. Безжалостные и убивающие. А у Харли глаза были яркими. Игривыми. *Живыми*. Когда он смотрел на меня, мне не казалось, что меня изучают и препарируют. Мне казалось, что я просто обмениваюсь шуткой с приятелем.

Упиваясь зрелищем его спутанных светлых волос, хулиганских голубых глаз, пухлой нижней губы и веселой ауры, я осознала, что Харли Джеймс только что стал моим самым любимым существом на этой планете. Ну и что, что мы знакомы всего шесть часов? Харли Джеймс будет моим Самым Лучшим Другом.

Возможно, даже с преимуществами.

Черная машина с черным салоном, долго простоявшая на ярком солнце, – не то место, где стоит пытаться познакомиться с кем-то поближе. Харли врубил кондиционер на полную мощность, но он просто не мог справиться с жаром, идущим от раскаленного двигателя, с солнцем Джорджии и с моими пылающими гормонами. Харли спросил, не хочу ли я пойти куда-нибудь, где попрохладнее, может, чего-то перекусить, и при упоминании о еде мой желудок заурчал почти так же громко, как его двигатель в 429 кубических дюймов.

Я еще ничего не ела в тот день, а было уже почти семь. Месяц назад я побывала в больнице с анорексией, когда упала в обморок в родильном зале после того, как Джульет родила Ромео. Это напугало меня. Испуга хватило примерно дня на два.

Я знала, что мне нужно есть. Мне просто не хотелось. Никогда. Это кислотное ощущение в пустом животе придавало мне ощущение контроля. Я все контролирую. И это приятно отвлекало от той эмоциональной боли, в которой я тонула, потеряв практически всех, к кому была привязана, за какие-то несколько недель.

Но общество Харли отвлекало еще лучше – настолько, что я была готова слопать десяток булочек с сырной начинкой, зажаренных в беконном жиру, и искупаться в жидких калориях, лишь бы ничего не кончалось.

Харли рассмеялся на мое животное выступление и сказал, чтоб я ехала за ним в Дом Вафель дальше по улице.

Чертов Дом Вафель.

Там было наше первое свидание с Рыцарем. Блин, у меня прямо схема.

Мне было ужасно жаль отдавать Харли ключ от этого прекрасного зверя, но вести свою машину после двадцати минут сражения с «боссом» было в миллион раз проще. Я даже не заглохла, остановившись рядом с Харли возле забегаловки. Он заметил и слегка поаплодировал, пока я выходила из машины.

– Ты попробовала эту штуку с ключом, да? – поддразнил он, закуривая.

– Ага, но мой способ мне больше нравится, – ответила я, ища в сумке свои сигареты. – Гораздо эффектнее.

Харли встал передо мной, своей тенью заслонив от ослепляющего солнца, и протянул мне свою сигарету так, что фильтр оказался в нескольких сантиметрах от моих губ. Эта сигарета только что была у *него* во рту. Я скользнула взглядом по своей сумке, по выпачканным машинным маслом пальцам Харли, по пламени и узорам на его руке, к его глазам, которые были вызывающе прищурены. Его жест был интимным, как прелюдия. Он проверял, как я отнесусь к идее обмена слюной. Ну что ж, мне понравилось, и я дала ему это понять, обхватив губами фильтр, закусив его и вырвав всю сигарету у него из руки.

С зажатой в зубах сигаретой я ухмыльнулась и сказала:
– Спасибо.

Харли одобрительно улыбнулся.

– Всегда пожалуйста.

В его ответе было обещание, от которого у меня свело промежность.

Он закурил другую сигарету и провел меня в кафешку. В Доме Вафель не рассаживали посетителей, и Харли сам выбрал стол у окна. Я была уверена – он сделал это, чтобы приглядывать за «боссом». Если бы я ездила на стотысячедолларовой машине, я бы, наверное, тоже не захотела выпускать

ее из виду.

– Так что это было за место? – спросила я, указывая пальцем в ту сторону, откуда мы приехали.

– Трек-то? – Харли подвинул в центр стола пластиковую пепельницу и стряхнул пепел. – Там начали строить жилой квартал, но потом подрядчик остановил стройку, сделав только дороги. Формально все это – частная собственность, но, поскольку ее владелец смылся из города, никто не будет заявлять на нас за нарушение. А копы не могут помешать нам устраивать там гонки.

– Так там гоняют?

– Еще как. Почти каждые выходные. – Харли поглядел на меня, как будто что-то прикидывая, прикусил уголок рта и наклонил голову набок. Потом направил в мою сторону два пальца с зажатой между ними сигаретой и сказал: – Ты тоже будешь там гонять.

Фыркнув, я замотала головой.

– Да ни хрена-а-а-а, – ответила я, складывая руки в универсальный знак «ни хрена». – Я реально *только что* получила права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.